

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

На правах рукописи

МУСУЛЬМАНСКИЙ ВОСТОК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Специальность: 5718.01 – Мировая литература
(русская литература)

Отрасль науки: Филология

Соискатель: **Асадов Ибрагим Назим оглу**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора философии

Баку – 2026

Диссертационная работа выполнена на кафедре истории русской литературы Бакинского государственного университета.

Научный

руководитель:

доктор философии по филологии, доцент
Алиева Солмаз Агазаки гызы

Официальные

оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Рзаев Фикрат Чингиз оглу

доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу

доктор философии по филологии, доцент
Эфендиева Лала Расим гызы

Диссертационный совет FD 2.13 Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики, действующий на базе Бакинского славянского университета

Председатель

диссертационного
совета:

доктор филологических наук,
профессор
Джахангиров Фикрет Фатиш оглу

Учёный секретарь
диссертационного совета:

доктор философии по филологии
Эфендиева Суад Ариф гызы

Председатель научного
семинара:

доктор филологических наук,
профессор
Мусаева Белла Сирадж гызы

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и степень разработанности темы данного исследования обусловлена, в первую очередь, тем, что история русской литературы двух последних столетий насыщена инонациональными мотивами и темами, во многом стимулировавшими развитие национальной русской литературы. В ткани инонациональных мотивов и тем значительный пласт составляет мусульманский Восток в целом и, в частности, мусульманский Кавказ.

Большое количество произведений, отражающих творческие поиски русских литераторов, связанных с диалектикой национального – инонационального, приходится на первую треть XIX в. При этом необходимо отметить, что, несмотря на продолжающиеся военные действия на Кавказе, как в одном из значимых с точки зрения духовно-исторического развития народов Востока регионе, а также на интенсивную колониальную экспансию, проводимую Российской империей в отношении этих народов, большинство русских писателей и поэтов практически стали выразителями интересов тех, кто явился объектом этой экспансии. Народы, населяющие Кавказ, находясь в орбите политики Российской империи, через своих прогрессивных представителей дали немало сведений об истории, культуре, фольклоре, моральных ценностях различных этносов, составив тем самым основы такого понятия, как кавказоведение.

Обозначенное историческое время имеет ещё и свой индивидуальный неповторимый облик: создавая непревзойдённые образцы художественной литературы, русские поэты и писатели обогатили национальную литературу ориентальной тематикой. Это, прежде всего, изображение экзотической обстановки, романтическая окраска повествования, реалии жизни мусульман, доминанты свободы во всех областях жизни, и, самое главное, – процесс проникновения мотивов Корана в мир, являющийся одним из составляющих бинарности «национальное – инонациональное».

Несмотря на многочисленные исследования, на сегодняшний день не освещена полностью также проблема переложения стихов Корана, цитирования тех аятов священной книги мусульман, которые, так или иначе, стали предметом освоения русской литературой.

Диссертационная работа разрушает отчасти и границы целостности в изучении темы мусульманского Востока, созданной в советское время в условиях господствовавшей идеологической однозначности. Обзор исследовательских работ в данной области осветил ряд вопросов о прямом заимствовании сюжетов священной книги, о подражании, трансформации мотивов и образов Корана, не только обогативших поэтику русской литературы, но и раздвинувших её тематические рамки. Однако эти вопросы освещены в одностороннем порядке. Практически мало затронута такая важнейшая составляющая литературоведения, как взаимовлияние, в связи с чем некоторые, ставшие уже аксиомой положения и выводы в данной области исследования, нуждаются в некотором расширении, подтверждении новой интерпретации, особенно в той части, которая непосредственно касается проблемы свободы человека в целом и вероисповедания его в частности. Необходимо отметить также, что русская литература не обогатилась бы новыми понятиями без своего рода «проводников» – представителей различных национальностей, составляющих население Кавказа. Более того, без исследования малоизвестных, вследствие чего практически неизученных фактов, мотивов и образов литературная картина исследуемого периода осталась бы неполной.

При определении степени разработанности темы необходимо отметить, что современные исследования часто фокусируются на кавказском этапе жизни и творчества представленных в диссертации деятелей русской литературы. Среди них можно отметить работы М.П.Алексеева, В.Г.Базанова, В.И.Безъязычного, Л.Бэгби, М.А.Васильева, Г.А.Гавриловой, А.Дж.Гаджиева, А.М.Гуревича, Г.Д.Данильченко, С.Кагановича, Н.М.Лобиковой, В.А.Мануйлова, А.В.Очмана, А.В.Попова,

Ф.Ч.Рзаева, М.З.Садыхова, Л.П.Семенова, К.К.Султанова, П.И.Тартаковского, С.Турабова, Г.В.Филатовой, Э.С.Хидировой, В.И.Шульженко, Н.Я.Эйдельмана, Р.Ф.Юсуфова, М.А.Якубовой, Асифа Гаджиева.

В XX и XXI вв. во многих странах мира увидело свет большое количество компаративистских исследований, косвенно затрагивающих проблему восприятия и освоения мусульманского Востока. В этом плане следует особо отметить исследования таких учёных-литературоведов, как С.А.Алиева, П.В.Алексеев, Е.Э.Бертельс, И.Ермаков, С.Н.Исмаилова, М.Б.Каменова, К.Кязимов, Г.В.Мальцев, Н.Мамедханова, А.Массэ, Г.Э.Меджидова, А.Мец, М.И.Синельников, М.Б.Пиотровский, С.А.Фомичев, И.Ш.Шифман, С.А.Эфендиева, М.А.Якубова, С.А.Багирова, Р.Г.Багиров. Несмотря на то, что мусульманские мотивы и образы оставили заметный след в русской литературе первой трети XIX в., что ещё раз подчёркивает актуальность темы исследования, всё ещё отсутствует комплексное и всестороннее её изучение. В диссертационной работе делается попытка разностороннего исследования ориентальной темы в творчестве русских поэтов и писателей обозначенного периода, и это не просто осмысление текстов произведений, а репрезентация контекста, которым русские поэты и писатели вносили свой вклад в разработку восточной и, в частности, кавказской темы через призму анализа традиционных мотивов и образов.

Объект и предмет исследования. В рамках настоящей диссертационной работы объектом исследования выступают разнообразные в жанровом отношении поэтические и прозаические художественные образцы, созданные русскими писателями и поэтами первой трети XIX в. Значимость этого материала обусловлена его потенциалом для глубокого анализа в контексте литературных взаимосвязей и влияния кавказских мотивов и образов и вместе с ними мусульманских элементов на творчество деятелей русской литературы указанного периода.

Русские поэты и писатели первой трети XIX в. использовали собственное творчество как средство для

знакомства национального читателя с инонациональной средой. В этом отношении их произведения представляют собой ценность с точки зрения созерцательного и критического отражения мусульманского Востока и, в частности, Кавказа в рамках романтической и реалистической традиций соответственно. Также важны для исследования и те произведения русской литературы, которые выступают в качестве источников философского восприятия мусульманских мотивов и образов. Предмет исследования соответствует именно этим аспектам и их художественному воплощению.

В диссертационной работе прослеживается развитие, изменение и воплощение мотивов и образов в произведениях выдающихся представителей русской литературы первой трети XIX в. Речь идёт о А.С.Пушкине («Кавказский пленник» (1821), «Тазит» (1830) и М.Ю.Лермонтове («Кавказский пленник» (1828), «Каллы» (1831), «Измаил-бей» (1832), «Аул-Бастунджи» (1834), «Хаджи Абрек» (1834), в чьих произведениях фактически впервые заявлены основные мотивы и образы мусульманского Кавказа.

Исследуемая в работе дальнейшая интерпретация кавказской действительности в мотивном измерении и образной системе прослеживается и в предреалистических повестях А.А.Бестужева-Марлинского («Аммалат-бек» (1831), «Мулла-Нур» (1836), а истинное отражение кавказской действительности сквозь призму реализма обнаруживается уже в творчестве

А.И.Полежаева, в частности в его поэмах «Эрпели» (1832) и «Чир-Юрт» (1832), стихотворениях «Чёрная коса» (1831), «Черкесский романс» (1831), «Акташ-аух» (1832), «Тарки» (1831), «Кладбище Герменчугское» (1833), «Песнь горского ополчения» (1833), «Ахалук» (1833), «Иван Великий» (1833), «Отрывок из послания к А.П.Лозовскому» (1837).

Философское освоение мусульманских мотивов и образов в русской литературе первой трети XIX в. занимает заметное место в произведениях многих литераторов. Это явление не обошло стороной ни знаменитых писателей, оставивших глубокий след в истории русской литературы, ни менее известных, внёсших

своими произведениями уникальный вклад в данный процесс. Особо следует выделить «Пророк» (1826), «Подражание Корану» (1824), «Бахчисарайский фонтан» (1823) Пушкина, «Азраил» (1831) Лермонтова, путевые записи А.С.Грибоедова, а также отдельные произведения В.К.Кюхельбе-кера, Ф.Н.Глинки, Д.П.Ознобишина, А.Н.Муравьева, А.Шишкова, А.Ф.Вельтмана, А.П.Катенина, Н.Ф.Павлова, А.И.Подолинского, Я.П.Полонского, Е.П.Зайцевского.

Важно особо подчеркнуть, что деятелей русской литературы на протяжении многих десятилетий особенно привлекала не столько религиозная сущность Корана, ислама и шариата, сколько их эстетическая и художественная значимость. Это было заметно в романтическом, так и реалистическом освоении мусульманских мотивов и образов. Русские поэты и писателя черпали вдохновение из глубокой символики и визуальной привлекательности, воплощённой в священной книге мусульман – Коране, отдельных постулатах ислама, основных положениях шариата. Их фокус смещался к творческому и образному потенциалу этих элементов, а также к их назначению в контексте культурного наследия. В результате при анализе творческого подхода русских поэтов и писателей к Корану, исламу и шариату становится очевидным, что они искали различия между духовным восприятием и эстетической ценностью этих традиций.

Цель и задачи работы – изучить мотивную структуру и образную систему ориентальных произведений русских поэтов и писателей первой трети XIX в.

Поставленная цель диктует постановку и решение нижеследующих задач:

1. раскрыть художественное своеобразие кавказских мотивов и образов в произведениях русских поэтов и писателей первой трети XIX в.;
2. рассмотреть трансформацию традиционных романтических мотивов и образов в кавказских произведениях;
3. определить типологию мотивов и образов, характерных для кавказских произведений эпохи романтизма;

4. исследовать особенности изображения мотивов и образов мусульманского Кавказа в рамках предреалистического метода;

5. выявить различие в изображении мужских и женских образов горцев-мусульман в рамках романтизма и предреализма;

6. исследовать философско-религиозную основу коранических мотивов и образов, характерных для ориентальных произведений русской литературы в контексте диалога культур.

Методологическую основу исследования составляют принципы сравнительного и сопоставительного литературоведения. Ломая многовековые барьеры между Западом и Востоком, национальные литературы обращаются к инонациональным, черпая в них новые мотивы и образы, отыскивая в них ответы на наболевшие и волновавшие вопросы.

На защиту выносятся следующие положения:

– Художественные произведения русских поэтов и писателей первой трети XIX в., навеянные восточной и, в частности, кавказской тематикой, составляют уникальное литературное наследие, воплощающее концептуальное видение мусульманского мира. Тексты этих произведений способствуют формированию особого мифологического измерения, которое можно охарактеризовать как кавказско-мусульманский архетип, оказавший серьёзное влияние на интерпретацию мотивов и образов.

– В первой трети XIX в. русские писатели и поэты, черпающие вдохновение из кавказской действительности, привнесли в родную литературу новые мотивы и образы. Произведения, написанные под влиянием восточного колорита, часто обрамлены повторяющимися сюжетными линиями: это мотивы пленения, мщения, скитания, обладающие «семантической насыщенностью»; образ черкешенки, собирательные образы горцев-мусульманин, героя-мстителя, героя-мусульманина и др.

– В контексте художественных произведений на кавказско-мусульманскую тематику определённые мотивы и образы носят архетипический характер и проявляются как универсальные, вневременные элементы. Эти элементы открываются в

разнообразных формах и сочетаниях независимо от идейно-эстетических позиций авторов. Независимо от их преобразований и взаимодействий с другими мотивами и образами, они сохраняют свою основную функцию.

– Многие деятели русской литературы искали источники вдохновения в экзотичных для них образах и философских концепциях, проникая в глубины мусульманской культуры через кавказское пространство. Они воплощали в своих произведениях мотивы и образы, характерные для мусульманского контекста, облачая Восток в ауру благородного авантюризма и раскрывая тем самым его привлекательность. Эти поэты и писатели, воздействуя на воображение читателей через изображения культурных и религиозных аспектов жизни мусульманских народов Кавказа, способствовали зарождению интереса к священной книге мусульман – Корану, положениям ислама и постулатам шариата.

– В кавказских произведениях деятелей русской литературы часто прослеживается диалог между устоявшейся традицией изображения этого края и нового взгляда, отражающего встречу знакомого и неизведанного в описании кавказской действительности.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые рассматриваются в совокупности образная система и мотивная структура произведений русских писателей и поэтов первой трети XIX в. на восточную и, в частности, кавказскую тематику в рамках созерцательного, критического и философского осмысления.

В диссертационной работе проводится многостороннее литературоведческое исследование «кавказских» и «коранических» мотивов и образов в творчестве деятелей русской литературы указанного периода, предпринимается попытка рассмотреть мотивы и образы, характерные для произведений русской литературы о Востоке в контексте диалога культур и в русле взаимовлияния литератур, делается попытка классификации «кавказских» и «коранических» мотивов и образов, исследуются особенности их эволюции.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется тем, что в нём впервые комплексно исследуется отображение в русской литературе «кавказских» и «коранических» мотивов и образов с романтических и реалистических позиций. С этой точки зрения данное исследование проводит своеобразный мост между культурами Востока (в данном случае, священной книгой мусульман – Кораном, положениями ислама, постулатами шариата) и Запада (русской литературой), это является важным подспорьем при разработке теоретических проблем и вопросов, связанных с мусульманским Востоком, историей русской литературы, взаимосвязей и взаимовлияний инациональных культур.

Фактический материал, собранный и проанализированный в диссертации, может быть использован при чтении общих и специальных курсов по истории русской литературы XIX в., по межнациональным литературным связям.

Апробация и внедрение её результатов осуществлялись путём обсуждения её отдельных разделов, в целом, на заседаниях кафедры истории русской литературы Бакинского государственного университета и научном семинаре в Бакинском славянском университете. Некоторые положения диссертации были изложены в докладах, прочитанных на различных международных конференциях, проведённых в Турции, США, России, Германии. Опубликованные работы полностью охватывают содержание диссертации. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в 20 публикациях, из которых 7 научных статей и 7 материалов конференций опубликованы за рубежом.

Название организации, в которой выполнена диссертационная работа. Диссертационная работа выполнена на кафедре истории русской литературы Бакинского государственного университета.

Общий объем диссертации с указанием количества знаков и объема структурных разделов диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы, насчитывающего 192 наименования. Общий объём

работы составляет 167 страницы – 243220 знаков без пробелов. Введение – 12 страниц (19488 знаков), I глава – 43 страницы (72420 знаков), II глава – 39 страниц (64220 знаков), III глава – 44 страниц (69371 знаков), Заключение – 11 страниц (17721 знаков).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении прослежены условия возникновения и особенности эволюции влияния мусульманского Востока, в частности, Кавказа на русскую литературу первой трети XIX в., обосновывается актуальность этой проблемы для русской литературы рассматриваемого периода и для современных исследований. Во введении также содержатся сведения об общем содержании, научной новизне, теоретической и практической значимости, методологической основе, цели и задачах настоящего диссертационного исследования, представленного на соискание учёной степени кандидата филологических наук, о её апробации и структуре.

Первая глава – **«Романтическое восприятие мусульманского Кавказа русской литературой первой трети XIX века»** – состоит из двух параграфов. В первом параграфе – **«Романтический ориентализм: традиционные мотивы»** – прослеживается история освоения мусульманского Востока русской литературой первой трети XIX в. Данная траектория ориенталистики проходит через творчество Пушкина, Лермонтова и многих других, осваивавших Восток в процессе личных наблюдений. Наиболее отчётливо черты романтического ориентализма проявились в творчестве Пушкина и Лермонтова.

«Кавказский пленник» Пушкина, поставив перед молодыми поэтами и писателями проблему изображения «местного колорита», понимаемого в духе романтической эпохи как этнографической экзотики, указал на существование мусульманского Востока в географической области (на Кавказе), вполне достижимой для русского поэта.

Благодаря пушкинской поэме, в русской романтической литературе намечаются ориентальные тенденции: экзотическая

обстановка действия, предполагающая возвышенный тон и романтическую окраску повествования.

Мусульманский Кавказ представлен в поэмах Пушкина («Кавказский пленник», «Тазит») в соответствии с менявшимися историческими и политическими событиями, которые приобретали в его произведениях иную окраску. Однако среди основных мотивов, характеризующих произведения о Кавказе, наиболее заметны следующие: мотивы *плена, побега, мщения, скитания, изгнания, верности, предательства, смирения, покорности*. Это именно те мотивы, которые, по мнению В.Хализева, являются основным «компонентом произведений, обладающим повышенной значимостью (семантической насыщенностью)»¹.

Новый шаг в развитии романтического ориентализма и освоении мусульманского Кавказа делает Пушкин в поэме «Тазит», поскольку именно в ней поэт впервые затрагивает мотив *мести*. Конфликт, лежащий в основе поэмы, – это столкновение героя с родным обществом, с жестокой моралью патриархального племени.

Анализируя поэмы Лермонтова «Каллы», «Измаил-бей», «Аул-Бастунджи» и «Хаджи Абрек» в контексте кавказских преданий и легенд, большинство лермонтоведов отмечают наличие доминирующего в них мотива *кровомщения* и его вариаций. Это означает, что в произведениях Лермонтова часто встречаются сюжеты, где главным действующим лицом является герой, стремящийся мстить за кровь своих близких и родных. Мотив мести связан с властью родовых обычаев и старинных семейных устоев, но решается он в произведениях по-разному.

Мотив мщения, впервые затронутый в пушкинском «Тазите», о котором уже говорилось выше, становится ключевым компонентом в поэмах юного Лермонтова. Поэт, по сути, погружается в исследование различных проявлений и форм мщения, которые тщательно анализирует, и, разрабатывая различные вариации мотива кровного мщения, пытается

¹ Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – Москва: Высшая школа, – 2004. – с. 280.

осмыслить саму природу этого сурового и непрекаемого закона горцев-мусульман.

Доминирующие в исследуемых романтических поэмах Лермонтова мотивы *отсроченной кровной мести* («Жаллы»), *братской вражды/соперничества* и связанный с ним *мотив братоубийства* («Измаил-бей», «Аул Бастунджи»), *мести* («Хаджи Абрек») получают в каждой из них свою трактовку и новые смысловые оттенки. Мотив *изгнанничества*, традиционный для романтической литературы, трансформируется в мотив *абречества*, что соответствует экзотической линии развития лермонтовского романтизма.

Таким образом, мотив кровной мести в русской романтической литературе начала XIX века на кавказскую тему был доминирующим и служил для детализации героев, а также для романтизации и самоидентификации горцев-мусульман и устоев их образа жизни.

Во втором параграфе – *«Романтическая типология героев»* – представлена романтическая классификация образов в кавказских поэмах Пушкина и Лермонтова.

Пушкинская поэма «Кавказский пленник» сыграла существенную роль в истории развития и становления русского романтизма, так как именно в ней впервые был проиллюстрирован тип кавказской женщины – горянки, мусульманки (*образ черкешенки*).

Героиня поэмы Пушкина безымянна, внешняя характеристика её лишь обрисована (*«черкешенка младая»; «твою красу, твой милый взгляд...»*). В подобного рода описаниях неопределённость образа очевидна. По справедливому замечанию А.Дж.Гаджиева, *«даже без конкретного описания пушкинская Черкешенка стала традиционным синонимом восточной красоты в русской поэзии, и это слово, означающее национальную принадлежность, стало неким символом женского совершенства»*².

² Гаджиев, А. Дж. Вокруг Пушкина / А. Дж. Гаджиев. – Баку: Язычы, – 1989. – с. 85.

И в «Кавказском пленнике» Лермонтова главная героиня – *черкешенка* наделена привлекательными женскими чертами. При описании её облика, поэт выбирает весьма яркие и выразительные эпитеты: «*порывистая душа*», «*заботливая рука*», «*черкешенка младая*», «*немая жалость*» и др. Множество мыслей и эмоций пробуждает эпитет «*невольник милый*», искренне выражающий сострадательное отношение черкешенки к пленнику.

В поэмах Пушкина и Лермонтова особое внимание уделяется быту и характеристике *горцев-мусульман* – старожиллов Кавказа. При описании ориентальных деталей поэты для достижения правдивости и конкретности изображения проявили глубокие познания в области кавказской этнографии. Это описание оружия – неотъемлемого атрибута горцев, их национальной одежды («*В косматой шапке, в бурке черной*» – у Пушкина; «*И в бурках, в шапках черных...*» – у Лермонтова). Поэты изображают горцев во время набегов («*Непобедимый, непреклонный, // Гроза беспечных казаков...*» – у Пушкина; «*К набегу стар и млад готов, // И слышен топот табунов...*» – у Лермонтова), в домашней обстановке («*Их прадеды в кругу сидят, // Из трубок дым, вьась, синеет...*» – у Пушкина; «*Курят беспечно свой табак, // И дым, вьась, летит над ними...*» – у Лермонтова). Всё это ярко передаёт типологическую характеристику и образ жизни героев-горцев.

Неслучайно А.Дж.Гаджиев, отмечая эту особенность своеобразия пушкинской манеры, писал: «*Пушкин-романтик шёл гораздо дальше своих коллег по творческому методу, и поэтому при очевидности романтического метода отображения Востока его поэмы удивительно жизненны и отдельные их сцены могут быть названы преддверием реализма, хотя и достаточно отдалённым*»³.

Одним из новаторских принципов, внесённых в романтическую типологию героев мусульманского Кавказа, является выделение образа *героя-мстителя* Тазита, который был представлен Пушкиным в его одноимённой поэме. В этой

³ Гаджиев, А. Дж. Вокруг Пушкина / А. Дж. Гаджиев. – Баку: Язычы, – 1989. – с. 87-88.

поэме выступает в роли отступника, так как отказывается от выполнения долга – кровной мести.

Образ *героя-мстителя* и его модификаций в романтической типологии героев нашли дальнейшее развитие в поэмах Лермонтова «Каллы», «Измаил-бей», «Аул Бастунджи» и «Хаджи Абрек».

Лермонтов мастерски изображает целую галерею героев, жаждущих мщения за причинённое им ущемление из-за любви, ревности (Селим), зависти (Рослаббек) или по обычаю кровной мести (Аджа, Хаджи). Поэт уже тогда резко разделял этих героев в зависимости от характера их мести. Они проявляют полное отсутствие ограничений в своих действиях, подчёркивая свою вседозволенность.

Иной тип героя-мстителя предстаёт в поэме Лермонтова «Измаил-Бей». Герой её в корне отличается от мстителей-индивидуалистов, которых Лермонтов изображает в «Каллы», «Ауле Бастунджи» и «Хаджи-Абреке». Мститель-борец Измаил показан поэтом не таким, как Аджа, Селим и Хаджи. Воля к мести, выношенная в душе мрачного Измаил-бея, свободолюбивого и задумчивого горца, пропитана не «малым», причинённым ему лично оскорблением, а «большим», от которого пострадали его соплеменники и родная земля. Поэтому его месть возвышенна и, по сути, благородна, а поведение его служит образцом гражданской доблести. Но сознание и поведение, соответствующие образу Измаила, не отвечали потребностям и возможностям эпохи 30-х годов, и Лермонтов зрелой поры к изображению этих персонажей не возвращается.

Женские образы в кавказских поэмах Лермонтова являются детонаторами развития сюжета. Они, как и главные герои, сталкиваются с похожими трудностями. Эти героини помогают раскрытию характеров главных героев.

Романтические типы лермонтовских героинь-горянок пластичны, изящны, пленительны. Их часто сравнивают с восточными пери. Поэт рисует портреты девушек с чувством восхищения и глубокого очарования, часто отождествляя их с природой, к которой они так близки по своей натуре. Например,

в поэме «Измаил-Бей» река Аргуна и Зара, как сёстры. Лермонтов сознательно изменяет топоним «Аргун» на «Аргуну». Однако под воздействием окружающего мира эта красота теряется и гибнет. Героини константно становятся жертвами либо безумной страсти («Аул Бастунджи», «Измаил-Бей»), либо кровной мести («Каллы», «Хаджи Абрек»).

Умение по-новому представить мусульманские мотивы и образы в кавказских произведениях, наиболее полно раскрывает Пушкина и Лермонтова как мастеров, умеющих талантливо передать мифомотивы и изобразить внутренний мир мифообразов. Последние представляют собой в исследуемых нами произведениях суть сюжета архетипически, символически, традиционно.

Основные положения и материалы первой главы изложены в нижеследующих публикациях автора⁴.

Во второй главе – **«Реалистический аспект изображения мусульманского Кавказа в русской литературе первой трети XIX века»** – рассматривается процесс перехода от романтического восприятия к условно реалистическому.

В первом параграфе – **«Предреалистическое восприятие мусульманского Кавказа»** – рассмотрены пути преодоления романтического подхода к освещению темы мусульманского Кавказа, включающие творческие поиски многих русских

⁴ Асадов, И.Н. Романтическое восприятие мусульманского Кавказа русской литературой первой трети XIX ВЕКА (на материале поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник») // XII Международный научный симпозиум на тему «Восток и Запад: интеграция культур». – Эскишехир, Турция, – 30 марта 2021, – с. 83-93; Из истории освоения одной кавказской народной песни русской поэзией XIX века // Тематический сборник кафедры истории русской литературы БГУ на тему «Диалог культур: литературные взаимосвязи и взаимовлияния». – Анкара, Турция, – май 2021, – с. 116-137; Реализация мотива кровной мести в поэзных текстах А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Язык и литература (международный научно-практический журнал). – Баку, – № 2(122), – 2023, – с. 293-295; К проблеме героя-мстителя и его модификаций в кавказских поэмах: от А.С. Пушкина к М.Ю. Лермонтову // Filoloji tədqiqatları: ədəbiyyatşünaslıq və dil məsələləri. Məqalələr toplusu. – Bakı, – Füyuzat, – 2023, – № 5, – с. 57-67.

писателей, которые искали и находили в этом крае новые образы, поэтические приёмы, жанровые формы.

К числу их относятся Бестужев-Марлинский и Полежаев, получившие уникальную возможность погрузиться в глубину кавказской действительности, в отличие от своих коллег-литераторов Пушкина и Лермонтова. Личные контакты позволили им ощутить и передать в своих произведениях всю глубину страданий и эмоций, которые испытывали мусульманские народы Кавказа.

Кавказские произведения Бестужева-Марлинского получили самые противоречивые отзывы. Ссылный писатель, живущий и сражающийся на Кавказе, привлёк ещё большее внимание всей читающей России первой трети XIX века. В повестях «Аммалатбек» и «Мулла-Нур» Бестужева-Марлинского заложен глубокий контекст, превосходящий устоявшиеся взгляды на анализ будущего народов, особенно мусульманских, Кавказа. Писатель проникает в суть мусульманской религиозной мысли, включая её мистические аспекты, обогащая тем самым русскую литературу многослойными и скрытыми смыслами.

Впечатляющим является уровень знаний Бестужевым-Марлинским азербайджанского языка, что позволило ему не просто точнее интерпретировать значения тюркских заимствований в русском языке, но также и прояснить происхождение местных имён, корни которых ведут к мусульманской культуре и мистической философии (например, имя главного героя повести – Мулла-Нур).

В своей книге «Декабристы-литераторы на Кавказе» А.В.Попов поднимает вопрос о глубоком интересе Бестужева-Марлинского к языковому многообразию кавказского региона с акцентом на тюркоязычные народы, включая азербайджанский, кумыкский, ногайский и карачаевский. Он особенно прилежно подошёл к изучению азербайджанского языка, отмечая, что «*с ним, как с французским в Европе, можно пройти из конца в конец всю Азию*»⁵.

⁵ Попов, А.В. Декабристы-литераторы на Кавказе / А.В. Попов. – Ставрополь: Книжное издательство, – 1963. – с. 28.

В повести «Мулла-Нур» также можно найти отсылку к шиитской легенде, рассказывающей о мифическом существе, чья кожа послужила обложкой для загадочной книги Джефр, в которой описана история всего, начиная с прошлого и заканчивая Апокалипсисом.

Особое внимание в повести привлекает таинственная церемония поминовения имамов, которая не являлась чем-то исключительно мусульманским, а напоминала ритуалы, характерные для средневековой Европы. Писатель особенно запомнил этот обряд, известный как «хатыль» (qətl – на азербайджанском языке), возможно, потому, что он отражал определённую универсальную схему, глубоко укоренённую в философских принципах, которые современная наука определяет как «вторичные стили». Видение жизни как спектакля с духовными элементами несомненно резонировало с романтическими идеями Бестужева-Марлинского, считавшего Восток колыбелью искусства.

В тексте повести «Мулла-Нур» часто упоминаются коранические имена: *ангел Джебраил, имам Али, имам Омар, пророк Мухаммад, Аллах*. В повествовании регулярно встречаются отсылки к таким мусульманским духовным понятиям, как *муэмине, имам, джихад, шайтан и Азраил, хаджи, пир, страшный суд, джегеннем*, т.е. *ад на арабском языке, муфтий, шариат, моление или намаз, такбир*, т.е. произнесение такбира «Аллах акбар» и его эквивалента на русском языке – «Аллах велик», *азан*, т.е. специфический мусульманский призыв к молитве, *мулла, минарет, мечеть, ангелы, священные города Кербела, Кааба, Мекка*. Писатель выходит за рамки простого упоминания определённых понятий: он рационально интегрирует их в свой текст, при этом, когда требуется, дополняет изложение своими разъяснениями.

Дальнейшее изображение кавказской действительности, прошедшее путь от романтизма к реализму, связано и с поэзией Полежаева, в частности, с его поэмами «Эрпели» и «Чир-Юрт», стихотворениями «Черная коса», «Черкесский романс», «Акташаух», «Тарки», «Кладбище Герменчугское», «Песнь

горского ополчения», «Ахалук», «Иван Великий», «Отрывок из послания к А.П.Лозовскому».

Этнокультурный пласт всех этих произведений богат словами местного происхождения, обозначающими предметы быта и реалии (*ахалук, сакля, булат, чихирь, аул, тохта, абаз, бер-абазы, йок, Карабах, чалма, могол, шамхал, вали, папах, саман, чуреки, джигиты, арба, кинжал, ятаган, паши, бешимет, кизильбаши, аманат, яур, яман, орда, чевяки, байрам, гарем, паши*), наименования представителей местных мусульманских наций и народностей (*черкес, турок, азиатка, атагинка, чеченцы, черкешенка, осман, персияне, тавлинцы, койсубулинцы, кумыки, оттомане, мехтулинцы, татары, кабардинец, лезгин*), топонимические и антропонимические модели (*Акташ-аух, Герменчуг, Кура, Аргун, Кавказ, Гебек-Кала, Дагестан, База, Кази-Мулла, Тамерлан, Бей-Булат, Тарки, Эльбрус, Костек, Ташикч, Сунжа, Эрпели, Истам-бул, Восток, Араке, Тавриз, Темир-Хан-Шура, Сулейман, Мирза Шамхалов, Кафир-Кумык, Казанищи, Ибрагим-бек, Ахмет-хан, Койсу, Эндери, Маюртуп, Кошкильди, Сулак*), понятия связанные с мусульманской религией (*имам, правоверные, рамазан, мечеть, исламизм, мусульмане, пророк, мулла, Алкоран, Коран, Магомет, Алла́, Али*).

Второй параграф второй главы – **«Реалистическая типология героев»** – посвящён исследованию образной системы кавказских произведений Бестужева-Марлинского и Полежаева с акцентом на гендерную проблему.

В центре сюжета повести Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» молодой мусульманин кавказского происхождения. Истории, связанные с персонажем Аммалат-бека, отражают нестандартный подход к изображению кавказского горца-мусульманина, который обычно воплощает образ стойкого и несокрушимого мужчины. В данном случае, на передний план выходят тонкие чувства и личные переживания героя. Бестужев-Марлинский стремится разрушить стереотипы, показывая, что даже горцы-мусульмане любить умеют. Он также обращает внимание на тот факт, что повышенное внимание к эмоциональному миру является признаком просвещённости.

Протагонист сам признаёт более изысканный и нежный характер своих чувств, что подчёркивается в художественной репрезентации его образа: *«Мучения безнадежной любви моей стали тоньше, разнообразней с тех пор, как прояснил мой разум»⁶*.

Бестужев-Марлинский воплотил в Селтанете образ женщины-мусульманки, который отличается гибкостью и адаптивностью. Этот персонаж выходит за рамки изображения стереотипной беспомощности или подавленности, характерной для женщин-мусульманок, живущих под гнётом патриархального общества.

В повести Бестужева-Марлинского воплощена мечта о прекращении всех форм конфликтов, основанных на гендерных, этнических или расовых различиях. Это стремление к гармонии различных аспектов находит отражение в его гуманистическом подходе, где он ищет баланс между противоположными элементами.

В несколько ином аспекте даны образы горцев в тех произведениях Полежаева, где реалистическое превалирует над романтическим (поэмы «Эрпели», «Чир-Юрт», стихотворение «Черная коса»). В них явно «оставлены» мотивы событий, произошедших в недалёком для Полежаева прошлом.

Горцы-мусульмане, изображённые Полежаевым, наделены решимостью и боевым духом декабристов. Поэт изображал в своих поэмах идеал народа, который отважно вступает в борьбу за свою свободу. Во времена политического застоя идея борьбы горцев-мусульман против абсолютистского режима вызывала восхищение среди прогрессивных слоёв населения.

В сюжетах поэм «Эрпели» и «Чир-Юрт» прослеживается история горцев-мусульман, которые теряются под влиянием своих религиозных лидеров. Вдохновляемые Кази-Муллой, они стремятся защитить свою родину и восстановить утраченную независимость. Исполненные фанатизма, они идут на самопожертвование, неизбежно ведущее к гибели. Характерный для обеих поэм сквозной мотив бесплодных попыток народа

⁶Бестужев-Марлинский, А.А. Сочинения. [в 2томах] / А.А. Бестужев-Марлинский – Москва: Гослитиздат, – 1985. – т. 2, с. 65.

удержать свою свободу и независимость вопреки неумолимому приговору истории придаёт повествованию особую окраску.

Из всех анализируемых «кавказоведов» Полежаев выделяется тем, что из-за его постоянного присутствия на передовых линиях, в эпицентрах боевых действий, он редко сталкивался с женской субкультурой кавказской действительности. Несмотря на данное обстоятельство, любые намёки на даже отдалённое знакомство поэта с женщинами-мусульманками, прячущихся от взглядов солдат, обретают особую ценность, поскольку они косвенно отражают уникальные черты их внешнего облика и внутреннего мира.

В произведениях Полежаева индивидуально выраженные образы горянок-мусульманок уступили место более обобщённым характеристикам. При этом они вписаны в контекст жестоких событий 1831 года, в которых сам автор принимал активное участие и которые он использовал в качестве сюжетной основы для своих поэм. Ключевые моменты связаны с военными кампаниями русской армии, одна из которых была возглавлена Р.Ф.Розеном с целью подавления восстания в горном посёлке Эрпели, а другая под руководством А.А.Вельяминова была направлена против жителей села Чир-Юрт с аналогичными намерениями.

В поэмах Полежаева «Эрпели» и «Чир-Юрт», включающих батальные сцены, образы женщин-мусульманок представлены исключительно в контексте изложенных событий. В указанных произведениях, насыщенных боевыми эпизодами, нет простора для детального и всестороннего изображения уникальных черт, привычек, стремлений и эмоций мусульманок. Чаще всего они выступают в качестве символов невинных жертв войны. Внимательный читатель может особенно остро почувствовать это, ведь смерть женщины символизирует конец возможности продолжения жизни. Полежаев, несмотря на лаконичность изложения, но с особым последовательным акцентом, подчёркивает эту важную истину не через изображение отдельных горянок-мусульманок, а через обобщающие символы.

Таким образом, большой заслугой русского романтизма является то, что он способствовал сопряжению факта и вымысла. В результате родилось искусство, органически соединившее полёт фантазии и напряжённое внимание к объекту реальности. В творчестве же Бестужева-Марлинского и Полежаева объектом художественного описания стала действительность, т.е. социально-общественная жизнь народов Кавказа – беззаветная борьба горцев-мусульман против колонизаторов, что нашло отражение в реалистическом описании событий, поведения героев и в изображении судеб горцев-мусульман.

Основные положения и материалы второй главы изложены в нижеследующих публикациях автора⁷.

В третьей главе – **«Коранические мотивы и образы в русской литературе первой трети XIX века»** – рассматриваются коранические мотивы и образы в ориентальных произведениях русских поэтов и писателей изучаемого периода. Исследование позволяет проследить процесс проникновения мотивов и образов Корана в мир русской литературы через сравнение фрагментов священной книги мусульман с фрагментами поэтических и прозаических произведений как популярных, так и менее известных, ранее неисследованных произведений представителей русской литературы первой трети XIX столетия.

⁷ Асадов, И.Н. Образы женщин-мусульманок в зеркале реализма // Язык и литература (международный научно-практический журнал). – Баку, – 2023. №3 (123), – с. 178-180; Мусульманский Кавказ в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур» (предреалистический аспект) // Актуальные и перспективные научные исследования: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза, – 2024, – с. 132-136; Коранические мотивы как концептсфера русской литературы первой трети XIX века // Abbasquluağa Bakıxanovun anadan olmasının 230 illik yubileyinə həsr olunmuş «Qloballaşma şəraitində yeni nəsil universitetlərdə müəllim hazırlığının əsas hədəfləri» Respublika elmi konfransın immaterialları. – Quba, Azərbaycan, – 2024, – с. 67-71; Изображение мусульманского Кавказа русской литературой первой трети XIX века (на материале произведений А.И. Полежаева: реалистический аспект) // Филология будущего, которое мы создаем: тенденции, смыслы, приоритеты: материалы I Международной научно-практической конференции. Московский международный университет. – Москва: – 2025, – с. 177–183.

В первом параграфе третьей главы – *«Коранические мотивы в пространстве ориентальных произведений»* – предлагается ранее неиспользованная классификация коранических мотивов, рассматриваемых в двух аспектах:

1. Коран как поведенческий кодекс правоверных мусульман (*мотив особых дат мусульманского календаря, мотив паломничества к святым местам, мотив мусульманских речевых формул, мотив молитвы, клятвы, покаяния; мотивы, связанные с мусульманскими обычаями и с процессией шариатского суда, мотив недозволенного*);

2. Коран как художественно-эстетическое явление (*мотив коранических стихов, мотив коранических легенд и исламской эсхатологии*).

Мотив особых дат мусульманского календаря. Так, в путевых записях и письмах Грибоедова упоминаются особые даты мусульманского календаря. В путевых заметках «Тегеран-Султанийе» от 1819 года содержатся сведения о мусульманском празднике «Рамазан». В письме Грибоедова от февраля 1820 года, адресованном П.А.Катенину, упоминается ещё одно событие – день траура по убитому имаму Хусейну, который отмечается скорбью и публичными собраниями.

Мотив паломничества к святым местам. В письме Грибоедова от 27 ноября 1825 года, адресованном Кюхельбекеру, упоминается главная святыня в исламе – Мекка (город, где располагается Кааба), священный для мусульман город Медина, а также один из пяти столпов ислама – хадж (паломничество).

Сведения о паломничестве можно почерпнуть и в аллегории Глинки «Непонятный союз».

Мотив паломничества к святым местам прослеживается и в поэзии Ознобишина («Кисловодск»), особенностью ориентализма которого является обращение к мусульманскому Кавказу, с которым поэт был хорошо знаком.

Мотив недозволенного. Мусульманский мотив, связанный с недозволенным (харам) в исламе, упоминался в более ранних редакциях поэмы Кюхельбекера «Зоровавель». Исламо-

шариатские запреты, как употребление кровавого мяса и вина, а также посещения неблагоприятных мест, считающиеся большим грехом для благоверного мусульманина, нашли отражение и в аллегории Глинки «Непонятный союз».

Мотив мусульманского права, основанный на Коране, широко представлен в путевых письмах Грибоедова. Мотивы, восходящие к шариату (в частности, мусульманское судопроизводство), присутствуют и в ориентальной повести Ознобишина «Вор».

Особое место в произведениях русских поэтов и писателей первой трети XIX века занимают также *мотивы, связанные с кораническими формулами*. Кюхельбекер в стихотворении «Смерть Байрона» обращает внимание читателей на более точный вариант речевой формулы зачина мусульманской молитвы. Подобная речевая формула присутствует и в поэме Ознобишина «Салам, или Язык цветов», основанной на переводе немецкого анонимного произведения «Die Blumen-sprache».

Мотивы мусульманской молитвы, клятвы и покаяния. Мотив мусульманской молитвы нашёл отражение в путевой записи Грибоедова «Тегеран-Султанийе» от 1819 года, в историческом повествовании Глинки «Зинобий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия», в повести Ознобишина «Караван» и в стихотворении «Смерть Байрона» Кюхельбекера.

Особое внимание в Коране привлекают и клятвы. Интересен в этом плане небольшой фрагмент из повести Ознобишина «Идеал», в котором содержится ссылка на одну из традиционных важных мусульманских клятв, упоминаемых в Коране. В другой повести Ознобишина «Караван» упоминается традиционное в исламе покаяние, клятва Аллаху о прощении грехов, совершаемая после каждого греха с намерением более не совершать его – тауба⁸.

Мотив коранических стихов. Важность коранических стихов для правоверного мусульманина подтверждается в

⁸ Али-заде, А. Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде. – Москва: Ансар, – 2007. – с. 269.

аллегории Глинки «Картины залива». Отзвуки прочтения сразу пяти коранических стихов можно заметить в повести Ознобишина «Соперничество шести невольниц» (1841).

В произведениях русских поэтов и писателей первой трети XIX века особое место также отводится мотивам *коранических легенд и исламской эсхатологии*. Изучая коранические мотивы в эпистолярном наследии Грибоедова, следует обратить особое внимание на его интерес к фольклорным элементам в этом великом памятнике мусульманской религии и культуры. В письме В.К.Кюхельбекеру от 1 октября 1822 года содержится прямая отсылка к коранической легенде об ангелах Эруте и Меруте.

Несомненный интерес в плане исследования коранических мотивов представляют также примечания к повести Ознобишина «Примирение», где писатель упоминает кораническую легенду о семи спящих отроках – обитателях пещеры, спрятавшихся в ней.

С позиции исламской философии и эсхатологии особое внимание привлекает «Русский Декамерон» и «Зоровавель» Кюхельбекера, в которых содержатся прямые отсылки к исламской эсхатологии.

Мотивы исламской эсхатологии звучат и в не ориентальных произведениях Ознобишина. Так, в повести «Поливна», посвящённой описанию живописных окрестностей Симбирска, упоминается очень тонкий, не превышающий толщины волоса и острия лезвия меча мост Сират (прямой путь)⁹.

Во втором параграфе третьей главы – **«Художественная репрезентация коранических образов в ориентальных произведениях»** – предлагается следующая, ранее не рассматриваемая, типология коранических образов: образ *единого Аллаха* и его посланника *пророка Мухаммеда*, образы исламской ангелологии (*ангел-посредник, ангел-предвестник, ангел смерти, ангел-стражник, ангелы могилы, падавший ангел, ангелы колдовства*), образы обительниц коранического рая – *гурий*.

⁹ Али-заде, А. Исламский энциклопедический словарь / А. Али-заде. – Москва: Ансар, – 2007. – с. 251.

Образ единого Аллаха и его посланника пророка Мухаммеда. В своём творчестве деятели русской культуры нередко обращаются к стихам священного мусульманского писания, в которых изображается божество, управляющее вселенной и ожидающее абсолютного подданства и почтения: «И все пред бога притекут, // Обезображенные страхом; // И нечестивые падут.» (Пушкин); «Спасенным – рай, погибшим – ад! // Сыны земные, трепещите, – // Там все деянья обличат // Грехи раскаяньем сотрите!» (Муравьёв); «В сей день, неверным роковой, // Сердца исполнятся тревогой // И, устрашенной саранчой, // Все понесутся к трону Бога!» (Ротчев).

Образ пророка Мухаммед играет ключевую роль в формировании исламской вероисповедальной системы, и имя его упоминается в произведениях целого ряда поэтов и писателей первой трети XIX в.

Стихотворение Зайцевского «День Азиянца» проникнуто глубоким уважением к пророку Мухаммеду, посланнику Аллаха.

В поэме «Бахчисарайский фонтан» Пушкин делает отсылку к последователям пророка Мухаммеда.

Данное исследование показывает, что в первую треть XIX века русская литература не была равнодушна к образам единого бога – Аллаха и его посланника – Мухаммеда. Да и в более ранние века, предшествующие этому периоду, они вызывали как отторжение, так и благоговение.

Образы исламской анжелологии. Большой интерес представляют также образы ангелов исламской мифологии в творчестве отдельных представителей русской литературы первой трети XIX века.

Образ ангела-посредника Джабраила, передающего священное откровение Аллаха его пророкам, особенно ярко воплощён Пушкиным в стихотворении «Пророк».

Образ ангела-предвестника Исрафила, оповещающего о наступлении страшного суда (киямата), широко представлен в стихотворениях Кюхельбекера «Измена вдохновения», «Сирота», «Моё предназначение», «Второй разговор с Исфраилом», «Исфраилу», «А.И.Орлову».

Описание коранического ангела Исрафила можно найти также в поэме Подолинского «Див и Пери».

Образ ангела смерти Азраила, забирающего с дозволения Аллаха душу человека перед смертью, обрисован в поэме Лермонтова «Азраил» и в стихотворении Полонского «Из Корана».

Образ ангела-стражника Ридвана, открывающего райские врата и командующего сонмом ангелов, встречается в стихотворении Ознобишина «Листки поэзии». Следует сразу же заметить, что образ Ридвана как ангела отсутствует в Коране, но упоминается в ранних хадисах, содержащих описание рая.

Образы ангелов могил Мункара и Накира, являющихся к умершему человеку непосредственно после смерти и расспрашивающих о его вере и деяниях в земной жизни, представлены и в переводном стихотворении Ознобишина «Дервиш».

Образ падшего ангела Иблиса, отказавшегося поклониться человеку и проклятого Аллахом, представлен в стихотворении Ознобишина «Див и человек».

Образы ангелов колдовства, познакомивших людей с магией, упоминаются в письме Грибоедова к Кюхельбекеру (от 1 октября 1822 года), где содержится кораническая легенда об ангелах Эруте и Меруте (Харут и Марут – И.А.).

Анализ обнаруженных в ряде произведений русской литературы первой трети XIX века образов исламской ангелологии позволяет с уверенностью утверждать, что каждый из обращавшихся к этой теме авторов пытался передать собственное представление о важнейших вопросах бытия через осмысление иной, ранее неизвестной им религиозной философии.

Наряду с образами ангелов в произведениях русских поэтов и писателей можно встретить и *образы обительниц коранического рая – гурий (райских дев)*.

Слово «гурия», в арабском языке обозначаемое как «хурийа», происходит от слова «хур», которое ассоциируется с чёрными глазами.

Образ гурии можно встретить в стихотворении Павлова «Песнь магометанина», в поэтическом произведении Шишкова, посвящённом «Н.Т. А<ксаков>у», в стихотворении Ротчева «Уж близок день, когда печаль наляжет...», в стихотворении Подолинского «Портрет», в повести Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек».

В произведениях русских поэтов и писателей гурии являются воплощением чистоты, непорочности и способности к бесконечной любви.

Таким образом, коранические мотивы и образы оставили заметный след в творчестве деятелей русской литературы первой трети XIX века, став для них источником поэтического вдохновения. В произведениях русских авторов указанного периода представлены: переложение рифмованной прозы Корана в стихотворной форме, цитирование аятов Корана, прямое заимствование, подражание, трансформация мотивов и образов Корана, что обогащало поэтику и раздвигало тематические рамки русской литературы.

Основные положения и материалы третьей главы изложены в нижеследующих публикациях автора¹⁰.

¹⁰ Асадов, И.Н. Проблемы освоения Корана русской литературой первой трети XIX века // BUTA Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi. – Kars, – Mayıs, 2020. № 1, – с. 109-118; Ислам и Шариат в русской литературе первой трети XIX века (статья первая) // BUTA Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi. – Kars, – Temmuz 2020. № 2, – с. 35-45; Ислам и шариат в русской литературе первой трети XIX века (на материале произведений В.К. Кюхельбекера) // Вестник Бакинского Университета: гуманитарные науки. – Баку, – 2020. №2, – с. 30-39; Ислам и шариат в русской литературе первой трети XIX века (на материале произведений Ф.Н. Глинки) // BUTA Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi. – Kars, – 2021. № 1, – с. 73-86; Мусульманский Восток в русской поэзии первой трети XIX века (на материале поэзии Д.П. Ознобишина) // XVI международный научный симпозиум, посвященный 115-летию Маммедгусейна Шахрияра, на тему «Мировая наука: проблемы и новшества». – Мичиган, США, – 26 июля 2021, – с. 78-81; Мусульманский Восток в поэзии Д.П. Ознобишина // BUTA Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi. – Kars, – 2021. № 2, – с. 89-100; Мусульманский Восток в прозе Д.П. Ознобишина (на материале анализа повести «Соперничество шести невольниц») // Фундаментальные и прикладные научные исследования: Актуальные вопросы,

В заключении подводятся итоги исследования. В рамках проведённого анализа темы «Мусульманский Восток в русской литературе первой трети XIX века» мы акцентируем внимание на произведениях с восточными, преимущественно кавказскими, образами и мотивами, которые и стали предметом настоящей диссертационной работы. В процессе исследовательской работы стало очевидным отсутствие широкого литературного диалога и устоявшегося взгляда на интерпретацию мотивов и образов, характерных для произведений на восточную, в том числе и кавказскую тематику.

В ходе исследования нами был сделан вывод о том, что несмотря на многообразие определений, важно рассматривать мотивы и образы в контексте «восточно-кавказско-мусульманских» тем, как пересекающихся с множеством литературных традиций, принимающих различные формы и сочетающихся с другими концептами в каждом уникальном произведении.

достижения и инновации. Сборник статей LXI Международной научно-практической конференции. – Пенза, – 2022, – с. 137-140; К проблеме освоения образов исламской англелогии русской литературой первой трети XIX века // II international scientific conference. – Dortmund. Germany, – 29-30.12.2022, – с. 36-47; Коранические мотивы как доминанта творческих поисков Д. П. Ознобишина // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – Томск, – 2024. Выпуск 4 (234), – с. 111-119; Концепт мусульманской молитвы в художественной рецепции русских поэтов и писателей первой трети XIX века // Azərbaycan xalqının Ümummilli Lideri Heydər Əliyevin anadan olmasının 102 illiyinə həsr edilmiş “AZƏRBAYCAN FİLOLOJİ FİKRİ ÇAĞDAŞ TƏDQİQATLARDA” mövzusunda Respublika elmi konfransının materialları. – Bakı: – 2025, – s. 515–519; Художественная репрезентация образов обитательниц коранического рая – гурий русской поэзией первой трети XIX века // «Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в эпоху цифровых технологий»: материалы международной научно-практической конференции. – Россия: – 28 марта 2025, – с. 40–47; Интерпретация смыслов сакральных элементов как способ выражения коранических мотивов в творчестве В.К. Кюхельбекера // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – Томск: – 2026. Выпуск 1(243), – с. 90–98.

**Основные положения диссертационного исследования
нашли отражение в следующих публикациях:**

1. Проблемы освоения Корана русской литературой первой трети XIX века // BUTA Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi. – Kars: – Mayıs, 2020. № 1, – с. 109–118.
2. Ислам и Шариат в русской литературе первой трети XIX века (статья первая) // BUTA Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi. – Kars: – Temmuz, 2020. № 2, – с. 35–45.
3. Ислам и шариат в русской литературе первой трети XIX века (на материале произведений В.К. Кюхельбекера) // Вестник Бакинского Университета: гуманитарные науки. – Баку: – 2020. № 2, – с. 30–39.
4. Ислам и шариат в русской литературе первой трети XIX века (на материале произведений Ф.Н. Глинки) // BUTA Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi. – Kars: – 2021, № 1, – с. 73–86.
5. Романтическое восприятие мусульманского Кавказа русской литературой первой трети XIX века (на материале поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник») // XII Международный научный симпозиум на тему: «Восток и Запад: интеграция культур». – Эскишехир, Турция: – 30 марта 2021, – с. 83–93.
6. Мусульманский Восток в русской поэзии первой трети XIX века (на материале поэзии Д. П. Ознобишина) // XVI Международный научный симпозиум, посвящённый 115-летию Маммедгусейна Шахрияра, на тему «Мировая наука: проблемы и новшества». – Мичиган, США: – 26 июля, – 2021, – с. 78–81.
7. Мусульманский Восток в поэзии Д.П. Ознобишина // BUTA Uluslararası Bilimsel Araştırmalar Dergisi. – Kars: – 2021. № 2, – с. 89–100.
8. Из истории освоения одной кавказской народной песни русской поэзией XIX века // Тематический сборник кафедры Истории русской литературы на тему «Диалог культур: литературные взаимосвязи и взаимовлияния». – Анкара, Турция: – май 2021, – с. 116–137.

9. Мусульманский Восток в прозе Д.П. Ознобишина (на материале анализа повести «Соперничество шести невольниц») // Фундаментальные и прикладные научные исследования: Актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей LXI Международной научно-практической конференции. – Пенза: – 2022, – с. 137–140.
10. К проблеме освоения образов исламской англелологии русской литературой первой трети XIX века // II International Scientific Conference. – Dortmund, Germany: – 29–30.12.2022, – с. 36–47.
11. Реализация мотива кровной мести в поэзных текстах А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Язык и литература (международный научно-практический журнал). – Баку: – 2023. № 2(122), – с. 293–295.
12. К проблеме героя-мстителя и его модификаций в кавказских поэмах: от А.С. Пушкина к М.Ю. Лермонтову // Filoloji tədqiqlər: ədəbiyyatşünaslıq və dil məsələləri. Məqalələr toplusu. – Bakı: Füyuzat, – 2023. № 5, – с. 57–67.
13. Образы женщин-мусульманок в зеркале реализма // Язык и литература (международный научно-практический журнал). – Баку: – 2023. № 3(123), – с. 178–180.
14. Коранические мотивы как доминанта творческих поисков Д.П. Ознобишина // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – Томск: – 2024. Выпуск 4(234), – с. 111–119.
15. Мусульманский Кавказ в повести А.А. Бестужева-Марлинского «Мулла-Нур» (предреалистический аспект) // Актуальные и перспективные научные исследования: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза: – 2024, – с. 132–136.
16. Коранические мотивы как концептсфера русской литературы первой трети XIX века // Abbasqulu ağa Bakıxanovun anadan olmasının 230 illik yubileyinə həsr olunmuş «Qloballaşma şəraitində yeni nəsil universitetlərdə müəllim hazırlığının əsas

- hədəfləri» Respublika elmi konfransının materialları. – Quba, Azərbaycan: – 2024, – с. 67–71.
17. Концепт мусульманской молитвы в художественной рецепции русских поэтов и писателей первой трети XIX века // Azərbaycan xalqının Ümummilli Lideri Heydər Əliyevin anadan olmasının 102 illiyinə həsr edilmiş “AZƏRBAYCAN FİLOLOJİ FİKRİ ÇAĞDAŞ TƏDQİQATLARDA” mövzusunda Respublika elmi konfransının materialları. – Bakı: – 2025, – s. 515–519.
18. Художественная репрезентация образов обитательниц коранического рая – гурий русской поэзией первой трети XIX века // «Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в эпоху цифровых технологий»: материалы международной научно-практической конференции. – Россия: – 28 марта, – 2025, – с. 40–47.
19. Изображение мусульманского Кавказа русской литературой первой трети XIX века (на материале произведений А.И. Полежаева: реалистический аспект) // Филология будущего, которое мы создаем: тенденции, смыслы, приоритеты: материалы I Международной научно-практической конференции. Московский международный университет. – Москва: – 2025, – с. 177–183.
20. Интерпретация смыслов сакральных элементов как способ выражения коранических мотивов в творчестве В.К. Кюхельбекера // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – Томск: – 2026. Выпуск 1(243), – с. 90–98.

Защита диссертации состоится 25 мая 2026 года в 15:00 на заседании Диссертационного совета FD 2.13 Высшей Аттестационной Комиссии при Президенте Азербайджанской Республики, действующего на базе Бакинского славянского университета

Адрес: AZ 1014, г. Баку, ул. С.Рустама 33.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Бакинского славянского университета

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Бакинского славянского университета

Автореферат разослан по соответствующим адресам 23
апреля 2026 года.

Подписано в печать: 20.04.2026

Формат бумаги: А5

Объём: 40949 знаков

Тираж: 70